

В заключение
номера

- В ГОСТЯХ
У А. М. ГОРЬКОГО
- «ГДЕ ДРУЖБЫ
ЗНАЛИ МЫ
БЛАЖЕНСТВО»
- «ЗВЕЗДА
ВЗОШЛА
НАД НАМИ»

◆ ИЗ ПИСАТЕЛЬСКИХ БИОГРАФИЙ

ВСЕСВЕТНОЕ СЕРДЦЕ

Течет моя родная Сура. Уходит вода в море. Но рена остается в своих извечных берегах.

Уходит хороший человек. Но жизнь остается в своих извечных берегах. И настоящий человек остается в людской памяти, в своих делах и произведениях.

Я вспоминаю о таком человеке — об Алексее Максимовиче Горьком, который помог мне понять красоту родной Суры и души моего народа.

Зима 1934 года. Какое-то совпадение в Союзе писателей. Вдруг нас срочно позвали к Александру Фадееву. Собрался человек десять — двенадцать. Мы переживаемся: зачем собрали? Из окна увидели — во двор въехали три легковушки.

Нас пригласили в машины. И тут от водителей узнали, что едем к Алексею Максимовичу Горькому. И мы едем к нему. Все это было так неожиданно, что многие из нас растерялись.

Убранство машины, в которой я ехал, меня удивило. Она была вся обшита оленьим мехом. В ней тепло, как в жарко натопленной горнице. Оказываются, эту машину оборудовали итальянские рабочие. Они были убеждены, что в России не бывает теплых дней, все время лютуют морозы, а дороги занесены снегом. Здоровье же у Алексея Максимовича было неважное. Вот они и побеспокоились о любимом человеке и писателе.

Наконец мы в доме Горького, в Серебряном Бору под Москвой. Мы разделись в прихожей. И только тогда я увидел, что наверху, на лестничной площадке, стоял Алексей Максимович, опираясь на перила. В руках у него дымилась папироса в длинном мундштуке. Он спустился к нам навстречу и спросил:

— А нижегородцы тут есть? Нижегородец среди нас нашлся. Горький обнял его по-

отчески. Нас всех встретил крепким, сильным рукопожатием.

Прошли в зал. Он был почти пустой. Голые белые стены. Паркетный пол. Чернеет рояль. Длинный пол, покрытый простой льняной скатертью. Возле него дубовые полумягкие стулья.

Алексей Максимович выглядел молодо, свежо. Из-под моржеподобных усов проступают румяные тонкие губы. Выделяется морщинистый лоб. Одет Горький в длинный, до колен, серый пиджак. На ногах — мягкие фетровые валенки... Видно, он любил просторную обувь, одежду, любил простор.

Расселись, успокоились. С милой, незабываемой улыбкой он начал:

— Ко мне чаще приходят высокопоставленные персоны... мне часто приходится... говорить официально. Поэтому я и пригласил вас, молодых, чтобы поговорить по душам.

И полилась сердечная беседа. Алексей Максимович рассказывал о своей жизни, о литературном труде... Много говорил Алексей Максимович о богатстве и красоте русского языка, Познакомив нас со своей статьей «Точки и нотки», он несколько раз подчеркнул, что засорение языка, жаргон он считает национальным бедствием...

Будто советуясь с нами, он говорил о создании истории фабрик и заводов. Известно, что эта горьковская мысль уже запечатлена в десятках чудеснейших книг. Говорил он и о том, что нужна серия литературных произведений по истории народов СССР. Он мыслил эту серию в двух частях. В первой должна быть картина дореволюционной жизни народа. Это картина тяжелой, «ночной», бесправной жизни — национальных меньшинств. Вторая часть — гимн жизни, яркая картина обновления и вос-

крешения, которые принес Октябрь. Горький заметил:

— Тут не обойдешься и без диаграмм. Но ведь иные диаграммы звучат как лирические стихотворения.

Этот завет пока нами не выполнен. А художественная история народов страны так нужна!

Кто-то из присутствующих сказал, что я из Мордовии. К моему удивлению, Алексей Максимович прочитал чуть ли не лекцию из истории моего народа. Он сказал, что страшная жизнь сделала мордва «ночной». Она уходила в чащобы от угнетателей. С розгой догнала ее в лесной глухомани христианство.

Кстати, именно Алексей Максимович подсказал нашему писателю П. Кириллову сюжет народной драмы «Литова» — о темниковской военачальнице, которая во главе пятидесяти тысяч отряда присоединилась к Степану Разину. Эта драма с большим успехом шла на сцене много лет.

...Беседа окончена. Нас пригласили в столовую. Столы забиты сервированы. Так хлебосольные хозяева встречают дорогих гостей.

Случайно я оказался за столом между Алексеем Максимовичем и Александром Фадеевым. Горький незамедлительно начал меня потчевать:

— Вот грузди с селедочкой. Попробуйте непременно.

Я сказал, что мордва очень хорошо готовит грузди. И в этом Алексей Максимович оказался знатоком:

— Я с мордвой встречался, когда жил в Арзамасе. Это народ лесной, ему все премудрости лесные ведомы. Когда солят грузди, то покрывают их березовой корой. Это придает им неповторимый аромат... Так что и в этом деле мордва горазда.

Так, говоря об обычных груздях, он нашел и поэтическое, чем богата жизнь моего народа.

Тогда я подумал: «Бог ты мой! Как же это так, великий такой человек еще так легко и свободно переходит от разговора о тайнах художественного творчества к способу приготовления груздей у мордвы!»

Мы произносили тосты за его здоровье. Сказал такой тост и я по-мордовски. Поднялся Алексей Максимович и всем нам ответил:

— Мои юные друзья! Лет-то мне уж много, усталость дает о себе знать. А как хочется мне пройтись по Волге! Вот так просто взять дорожную котомку и пойти.

...Течет моя родная Сура. Вода уходит в море. Рена остается в берегах. Ушел Алексей Максимович. Но высоты берега нашей литературы, и он вместе с нами в этих берегах. И радостно мне, что всесветное сердце Алексея Максимовича Горького указало и моему народу путь к великой реке нашей многонациональной литературы.

НИКУЛ ЭРКАИ